

РУССКИЙ ГАРИБАЛЬДИЕЦ ЛЕВ ИЛЬИЧ МЕЧНИКОВ

Описывается гарибальдийский период деятельности выдающегося русского ученого и мыслителя Л.И. Мечникова. В середине 1860 г. он вступил в добровольческий отряд Дж. Никотеры в звании лейтенанта. Руководил работами по созданию полевых укреплений возле Санта Мария. Принял участие в битве при Вольтурно. После ухода в отставку опубликовал воспоминания в журнале «Русский вестник». Его «Записки гарибальдийца» – один из немногих источников, которые знакомили русских читателей с новостями о «Тысяче» Гарибальди. Для потомков большую ценность составляют сведения об организации гарибальдийского войска, его командирах, а также о самом Дж. Гарибальди, оставленные Л.И. Мечниковым.

Ключевые слова: Л.И. Мечников; Джузеппе Гарибальди; Италия; 1860.

Одним из ключевых вопросов, которые волновали Л.И. Мечникова, был вопрос о солидарности людей как основном факторе социального прогресса. Рассматривая этот вопрос в работе «Цивилизация и великие исторические реки», он писал: «Социальный прогресс находится в обратном отношении к степени принуждения, насилия или власти, проявляющихся в общественной жизни, и, наоборот, в прямом отношении к степени развития свободы и самосознания» [1. С. 252]. В солидарности Мечников усматривал основную цель прогресса, его главную движущую силу.

Термин «солидарность» очень часто встречается в работах Л.И. Мечникова. Под солидарностью он понимал, прежде всего, консолидацию человечества, братство людей и их взаимовыгодную и добровольную деятельность на благо друг друга. Напротив, тиранию и деспотизм, всякого рода насилие и принуждение он считал фактором, замедляющим прогресс. «Человек будет угнетаем только потому, что он неспособен сознательно проявить кооперативную солидарность для отпора силе угнетения. Деспот под видом ли жреца, воина, царя всегда являлся в истории только живым символом и олицетворением неспособности, бессознательности и бессилия угнетаемых им народных масс» [1. С. 262–263]. Что же заставило Л.И. Мечникова прийти к такому мнению? Читая эти строки, можно явственно представить ответ на данный вопрос – полное отрицание деспотизма. Если его мировоззрение в значительной степени формировалось под влиянием анархистской философии, то отношение к деспотическим формам правления нашло отражение в конкретных событиях его жизни. Речь идет об участии Мечникова в добровольческом войске Дж. Гарибальди и его борьбе за объединение Италии.

Уже в детстве у Л.И. Мечникова была сильна тяга к приключениям и путешествиям. Его друг, гимназист Н. Маслович, вспоминая о нем, описывал случай, как юный пятнадцатилетний Мечников под влиянием семейного предания сбежал из гимназии, чтобы попасть в Молдавию, правда, неудачно. Незадачливого гимназиста догнали недалеко от Харькова и вернули в семью [2. С. 999]. Еще в гимназическую пору Мечников успел поучаствовать в первой дуэли из-за дочери одного из преподавателей. К счастью, тогда все обошлось благополучно [Там же]. Все же, несмотря на одаренность и открытую еще в детстве способность к иностранным языкам, слишком активный характер помешал ему закончить сначала гимназию, а затем и университет. Не

найдя призвания на родине, в 21 год Л.И. Мечников уехал в Венецию, чтобы посвятить себя ремеслу художника [1. С. 9]. Однако судьба уготовила ему совсем другое предназначение.

Во второй половине XIX в. Италия переживала время объединения, а в год приезда Мечникова в Италию произошло одно из ключевых событий этого процесса – 11 мая 1860 г. Дж. Гарибальди вместе со своей знаменитой «Тысячей» добровольцев высадился в Марсале на Сицилии [3. С. 261] и вскоре захватил крупнейший сицилийский город Палермо, входивший в то время в Королевство Обеих Сицилий. На стороне его противника, неаполитанского короля Франческо II, было более чем десятикратное преимущество в количестве войск, артиллерии, судов и ресурсов. На стороне Гарибальди были лишь поддержка местного населения, уставшего от тирании монарха, и сочувствие всех угнетенных Италии, но для победы это было гораздо важнее. Сам Гарибальди писал об этих событиях: «Жители Марсалы... приняли нас довольно радушно. Народ ликовавал. Толстосумы держались в стороне. Я находил это вполне естественным. Тот, кто привык все исчислять в процентах, не может, конечно, спокойно видеть отчаявшихся людей, стремящихся уничтожить язву привилегий и лжи, разъедающую развращенное общество, чтобы облагородить его. Особенно, когда горстка смельчаков без пушек и бронебойного оружия идет против такой силы, как Бурбоны, считавшейся непобедимой. ...Бедный народ встретил нас ликующим и с нескрываемой любовью. Он думал только о святости жертвы, о благородном порыве кучки отважных юношей, пришедших издалека на помощь своим» [3. С. 261–262]. Л.И. Мечников оставил ценные воспоминания об организации этого войска. На протяжении всего времени гарибальдийская армия сохраняла добровольческий принцип комплектования, однако первая «Тысяча» состояла не просто из добровольцев, но из единомышленников. Это были люди, всем сердцем преданные делу объединения Италии и лично Гарибальди. Ни знаков различия, ни знамени, ни жесткой дисциплины или правильной организации они не имели. Не существовало полных списков всех рекрутов, как не было и принудительного способа удерживать солдат. Офицеры же и вовсе обладали полной свободой передвижения [4. С. 113]. В гарибальдийском войске были представители различных народов, многие из которых даже не говорили на итальянском языке. Среди гарибальдийцев были как простые пастухи и крестьяне, так и члены

богатых и знаменитых итальянских семей, однако своим званием и повышением по службе каждый был обязан только личным заслугам. В этой армии, как писал Мечников, юношей было многократно больше, чем опытных воинов, а некоторые из солдат были немногим старше четырнадцати лет [4. С. 114]. Однако, несмотря на видимое отсутствие дисциплины, случаи краж или мародерства были единичны и каждый виновный в них нес жестокое наказание – мародеров в войске Гарибальди расстреливали [4. С. 117]. Это обстоятельство выгодно отличало гарибальдийцев от их противников, что во многом обеспечивало им поддержку местного населения. Сам же Джузеппе Гарибальди был настоящим патриотом Италии, человеком глубоких нравственных принципов. Его жизнь свидетельствует о том, что ни деньги, ни власть, ни высокое положение в обществе не были его целью. Он родился в семье небогатого судовладельца и в детстве не знал нужды. Его горести и страдания были связаны с теми страданиями, которые испытывал весь итальянский народ, разделенный и находившийся под властью чужаков. В 26 лет он вступил в общество «Молодая Италия», которое вело борьбу за освобождение и объединение Италии. Свой путь борьбы он начал как сторонник Дж. Мадзини, однако впоследствии их пути разошлись. Гарибальди участвовал в заговоре 1834 г., окончившемся неудачей, после чего был вынужден на многие годы покинуть Италию. Принимал участие в революции 1848 г., которая также закончилась неудачей, но стала одной из вех всего национально-освободительного движения в Италии. Это, в свою очередь, привело к тому, что поход «Тысячи» Гарибальди стал возможен.

После первых успехов «Тысячи» в Италии развернулось масштабное волонтерское движение. В «Записках гарибальдийца» Мечников вспоминал об этом времени: «Вскоре после взятия Палермо, когда Гарибальди явно проявил намерение продолжать блистательно начатое предприятие, во всей Италии стали собирать волонтеров, из которых образовались три бригады: две в Генуе и одна во Флоренции» [5. С. 134]. Флорентийской бригадой командовал Джованни Никотера, к нему на службу и поступил лейтенант Мечников.

Известно, что первоначально Никотера планировал совершить поход на Рим, однако по прибытии его отряда в Ливорно властям удалось их разоружить [1. С. 10]. Было 31 августа, когда это случилось: «Решено было на утро, обезоружив нас, препроводить в Палермо в распоряжение диктатора» [5. С. 139]. Однако автор записок не был опечален этим событием и с энтузиазмом воспринял новость об их направлении к Гарибальди. На следующий день большая часть экспедиции была отправлена в Палермо пароходами «Феб» и «Гарибальди». Мечников был вынужден задержаться и отплыл на паруснике «S. Nicola».

Тем временем гарибальдийцы уже заняли Палермо, а 20 июля они с моря и суши одновременно атаковали Милаццо и после упорного боя заняли его. Сицилия оказалась полностью очищенной от власти неаполитанского короля. Наконец, 19 августа гарибальдийцы высадились на материке близ Реджио, где находились форты войск Бурбонов. Под покровом ночи форты бы-

ли атакованы с тыла, отрезаны от линий снабжения и вскоре сдались на милость атакующих. Гарибальди вспоминал об этих событиях: «Результаты боев под Реджио имели величайшее значение. Форты вскоре сдались без всякого сопротивления. Мы завладели колоссальными военными запасами, провиантом и чрезвычайно важной базой для наземных операций. На другое утро мы преследовали корпус Гио, который через день сдался, оставив в наших руках много мелкого оружия и несколько полевых батарей. Затем сдались все форты, господствовавшие над Мессинским проливом, включая Шилла» [3. С. 289–290].

В Палермо Мечников прибыл поздней ночью. В городе еще не был окончательно наведен порядок после штурма, и не все баррикады были расчищены. В тот же вечер он явился к коменданту города. А на следующий день их отряд направили в Сапри на пароходе «Vittoria», после чего они были перенаправлены в Салерно. Следующим утром их ждало радостное известие. Едва рассвело, к ним подплыл британский пароход, шедший встречным курсом. «Да здравствует Италия», – воскликнули англичане – «Бурбоны очистили Неаполь, там ждут Гарибальди» [5. С. 148]. Еще в пути их застиг приказ отправиться в Неаполь, куда они и прибыли в тот же день. «Это было 7 сентября. Утром того же дня Гарибальди один приехал в Неаполь, безоружный, и был встречен неистовыми излияниями восторга» [Там же]. Воспоминание об этом событии оставил и сам Гарибальди: «Вступление в эту великую столицу казалось скорее чудом, чем реальностью. В сопровождении нескольких адъютантов я прошел мимо рядов бурбонских войск, еще владевших городом, взявших при моем появлении “на караул” с большим, несомненно, уважением, нежели они это делали тогда перед своими генералами» [3. С. 291]. Сам же неаполитанский король накануне бежал из своей столицы в крепость Капуя, оставив в городе восьмидесячный гарнизон. Последний, впрочем, не обнаружил ни сил, ни желания вести сопротивление, чему, конечно, способствовало и полумиллионное население, которое с восторгом встречало гарибальдийцев и которое могло поднять восстание в случае, если бы гарнизон вздумал оказать сопротивление. Однако сдаваться Франческо II не желал, поэтому все постепенно шло к решающему сражению.

В Неаполе был образован штаб Гарибальди, он находился в Palazzo d'Angri. Сам Гарибальди жил в здании штаба, там же жили или просто обедали другие генералы и офицеры гарибальдийской армии. Туда должен был явиться к полковнику Миссори и Мечников перед отправкой в штаб 1-й линии, к которому он был приписан. Полковника, однако, в тот день не оказалось, и на следующее утро Мечников отправился поездом в Санта Мария, где находилась первая линия обороны. Вечером того же дня он явился в штаб, командиром которого был Мильбиц, герой революции 1848 г. Мильбиц вместе с офицерами в это время ужинал. Приглашение к столу, которое здесь давалось раз и навсегда, получил от генерала и вновь прибывший лейтенант. «Вам здесь будет работа, сказал он, увидев меня: нам нужно укрепиться, а офицеров знакомых с этим делом совершенно нет» [5. С. 156].

Так началась боевая служба Мечникова. В его обязанности, как и всех офицеров, входило проведение

патрулей и разъездов, при проведении одного из которых Мечников едва не погиб. Во время очередного конного объезда группа, в которой он находился, столкнулась с неприятелем. Завязался бой, и противник, не ждавший нападения, был вынужден бежать. «Я был уже на половине возвышения, как вдруг какая-то фигура, неизвестно откуда взявшаяся, повисла у меня на поводьях. “Во имя короля, сдавайтесь!” закричал нападавший задыхающимся голосом. Сабли наши скрестились в воздухе. С минуту мы неистово колотили их одну о другую. Я не мог видеть своего противника; он был защищен шеей моей лошади, которую крепко держал за поводья. Между тем последние из нашего отряда мчались мимо меня. Один из них подоспел ко мне на выручку. Противник мой выпустил поводья и выступил несколько вперед, так что очутился почти у моей левой ноги. Пока я успел выхватить револьвер, он выстрелил, и пуля прожужжала у самого моего уха. Мой выстрел был удачнее. Когда рассеялся дым, противника передо мною не было» [5. С. 178]. Отряд гарибальдийцев сумел взять пленного и захватить артиллерийский передок. Сам же Мечников был легко ранен в бедро.

Главным же поручением Мечникову было руководство работами по укреплению одного из участков обороны возле Санта Мария. Требовалось отрыть траншеи, насыпать оборонительный вал, разместить и укрепить артиллерийскую батарею. Увы, подробной карты Санта Мария и его окрестностей у гарибальдийцев не было, поэтому план строительства оборонительных сооружений Мечникову пришлось разрабатывать, полагаясь на визуальные ориентиры, на местности.

Неожиданно возникла другая проблема. Ни за плату, ни без нее никто из местных жителей не хотел идти на земляные работы. Горожане до такой степени были запуганы, что с ужасом ожидали возвращения и возмездия неаполитанцев. Собственных сил на необходимую работу не хватало. Поступил даже приказ: если взрослые жители и за двойную плату не согласятся идти на работы, их следует приводить силой оружия. К счастью, ситуация благополучно разрешилась. Во второй половине дня, когда работы только начинали налаживаться, издали показалась колонна [5. С. 161]. Предводитель ее, Доменико-Флокко Абрुццез, объяснил, что он подрядчик и его работники занимаются строительством путей сообщения. Узнав о проблеме гарибальдийцев, он решил помочь им своими рабочими. С собою они принесли строительный инструмент, которого на месте не хватало. Всего набралось порядка девяноста работников, и дело наладилось. Первым делом были отрыты траншеи: первая – от амфитеатра до каменной арки, под которой была организована батарея, вторая – вдоль жилых домов до железной дороги, где находилась батарея бельгийцев. Перед траншеями был насыпан оборонительный вал и вкопаны заостренные колья, которые должны были помочь в борьбе с неаполитанской кавалерией. Дополнительную сложность в проведении работ приносил непрерывающийся огонь, который вел противник по позициям гарибальдийцев. К счастью, большое расстояние, разделявшее противников, не позволяло вести прицельную стрельбу, и никто из

добровольцев во время работ не погиб, хотя некоторые из них получили легкие ранения. Помимо укрепления собственных позиций, Мечников с десятком рабочих перерыл тропинки, ведущие к их позициям, чтобы неприятель не мог протащить там орудия. Были расставлены рогатины, чтобы задержать противника во время атаки. Когда работы близились к завершению, осмотреть позиции приехал сам Гарибальди. «Гарибальди шел впереди группы офицеров. Он был в своем повседневном костюме. Полинялая красная рубаха, узкие серые панталоны... и худые нечищенные сапоги. Венгерская черная шляпа была надвинута на самые брови. Видно было, что он не в духе» [Там же. С. 162].

Работа эта была важна, поскольку местность, на которой гарибальдийцам предстояло обороняться, была открытой, без естественных укрытий. Из защитных сооружений были только жилые дома, заборы и постройки на окраине города. Но эта позиция находилась почти в центре линии обороны, и ее прорыв мог обеспечить противнику доступ в тыл гарибальдийцев. Примечательно, что сам Гарибальди оставил воспоминания об этом месте: «Самой уязвимой была наша позиция у Санта Мария, находившаяся на равнине, с немногими оборонными укреплениями, сооруженными нами в несколько дней. Они были легко доступны для многочисленной неприятельской кавалерии, а также артиллерии, более многочисленной и лучше оснащенной, чем наша. Мы заняли Санта Мария из уважения к ее славному населению, проявившему некоторые либеральные устремления при отступлении бурбонцев, а теперь трепетавшему при мысли увидеть вновь своих старых владетельнов...» [3. С. 297].

С приближением октября неприятельские бомбардировки происходили все чаще. Однако благодаря проведенным работам число пострадавших было минимальным. Всё позволяло судить о том, что враг готовится к наступлению. Прогнозы о предстоящей неприятельской атаке оправдались. 1 октября 1860 г. противник перешел в наступление. Началась битва при Вольтурно. Положение по всему фронту было сложное, но наиболее тяжелая ситуация складывалась на участке возле Санта Мария, где находился в это время Мечников. Учитывая сложившуюся обстановку, Гарибальди в три часа дня отправился в Санта Мария, чтобы лично возглавить оборону. Мечников был на острие атаки неприятеля. Вспоминая об этих событиях, он писал, что день выдался не по-осеннему жарким и безветренным. Дым заволакивал все пространство вокруг и стелился по земле. К счастью, оказалось, что расположение батареи было выбрано удачно, гарибальдийские канониры стреляли метко, быстро подавляя вражескую артиллерию [5. С. 181].

К полудню прозвучала команда: «В штыки!», прогремели залпы картечи. Батальон повел в атаку полковник Порчелли, враг дрогнул и начал отступать. После успешной атаки батальон вернулся на исходную позицию, захватив с собою несколько трофеев. «Впереди шли два бурбонских артиллериста <...> За ними человек двенадцать тащили 16-фунтовое нарезное орудие, в которое была впряжена верховая лошадь. <...> Вся верхняя часть дула была изборозжена картечью и

забрызгана кровью; над затравкой... старый пьемонтец целил метко» [5. С. 183].

Однако положение гарибальдийцев не становилось лучше. Оправившись от первой неудачи, противник вновь перешел в наступление еще большими силами. Атаку возглавлял кавалерийский полк королевы и эскадрон гусар. В это время от случайно упавшей искры воспламенились заряды к орудиям. Мильбиц и Мечников были осыпаны искрами и упали на землю. Однако артиллеристы не растерялись и последним зарядом отправили гранату в самый центр колонны. Взрыв опустошил ряды наступавших, и эскадрон гусар в беспорядке обратился в бегство [5. С. 185].

Наступил решающий момент битвы. «В ту самую минуту, когда я подъезжал к батарее, там случился один из тех кризисов, которыми часто решается судьба сражений. На этот раз он был не в нашу пользу. Истощенные жаждой и усталостью две роты, удерживавшие натиск кавалерии, пошатнулись и в беспорядке побежали. Уже слышался топот, крик и бряцанье, уже ясно можно было различить усатые рожи драгун королевы, которые летели на нас, и гнали по пятам убежавших. Минута, и все бы пропало. “Гарибальди, Гарибальди!” И калатафимский герой словно с неба свалился в это мгновение. Присутствие любимого вождя вдохновило всех. “*Alla baionnelta! Viva l'Italia!*” и все, кто мог еще стоять на ногах, выбежали из батареи, несмотря на град пуль, ядра, свиставшие и рассекавшие воздух по всем направлениям. Мильбиц, раненый в ногу осколком гранаты, прихрамывая, ходил между рядами. Гарибальди, как заколдованный, был спокоен и невредим среди всеобщего движения. Вдруг меня осыпало искрами и песком; будто миллионы булавок вонзились в тело, потемнело в глазах, и я грянулся оземь» [5. С. 188–189]. К пяти часам дня, как писал Гарибальди, бой закончился, и он телеграфировал в Неаполь: «Победа по всему фронту!» [3. С. 300].

Завершилось крупнейшее сражение этой войны. В ноябре пала Капуя, и Франциск II бежал в крепость Гаэта. Наконец, 13 февраля 1861 г. капитулировала и эта последняя крепость. Однако ни Мечников, ни Гарибальди в этих событиях участия уже не принимали. Первый из них находился на излечении, в котором принял участие сам Александр Дюма. Гарибальди же отправился на остров Капрера, где поселился на маленькой ферме и большую часть времени вел уединенный образ жизни. Два года спустя он предпринял попытку вместе с добровольцами захватить Рим. Увы, эта попытка не увенчалась успехом. В 1866 г. Гарибальди командовал итальянскими волонтерами во время австро-пруско-итальянской войны. В 1867 г. он предпринял очередную попытку захватить Рим, но вновь неудачно. Гарибальди был отправлен в ссылку на Капреру, где к нему была приставлена стража. Последний раз он принимал участие в боевых действиях в 1870 г. во время франко-пруской войны. Главой объединенной Италии был провозглашен Виктор Эммануил II. На все требования Гарибальди включить Южную армию в состав национальной армии было отвечено отказом.

После излечения Мечников вернулся в штаб Мильбица в Санта Мария. Генерал принял его и отпустил в Неаполь, куда и сам вскоре переселился. «Он совершенно преобразился в мирного гражданина и наслаждался семейным благополучием и спокойствием... <...> Что вынес он из всей этой трудной кампании? Сознание, что спас Неаполь, и лишнюю рану» [4. С. 86], – писал Л.И. Мечников впоследствии о своем командире, хотя это же суждение было вполне применимо и к нему самому. Наконец, после долгого хождения по разным военным ведомствам, получил отставку и лейтенант Мечников. Вскоре он переселился в Сиену, опубликовал свои первые статьи в «Русском вестнике» и «Современнике», и в его жизни начался новый период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995. 464 с.
2. Маслович Н. К биографии Льва Ильича Мечникова // Исторический вестник. 1897. № 68.
3. Гарибальди Д. Мемуары. М., 1966. 467 с.
4. Мечников Л.И. Записки гарибальдийца // Русский вестник. 1861. № 36.
5. Мечников Л.И. Записки гарибальдийца // Русский вестник. 1861. № 35.
6. Мечников Л.И. Капрера // Современник. 1862. № 3.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 октября 2013 г.